

Ольга Малинова

Актуальное прошлое:

**Символическая политика
властвующей элиты и
дилеммы российской идентичности**

М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Серия "Россия в поисках себя"

Образ общего прошлого — традиционный инструмент построения и важнейший элемент в конструкции гражданской нации. Выстраивается этот образ совокупными усилиями академических историков, школьных учителей, писателей, публицистов. Но бесспорно ведущую партию в этом концерте исполняют политики, выступающие от имени государства, поскольку они располагают дополнительными и весьма значительными ресурсами для навязывания обществу удобных для их целей систем и смыслов.

Политики постсоветской России принялись за историю особенно усердно. И тому есть довольно простое объяснение. Статья 13 действующей российской Конституции содержит категорический запрет: "Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной". Однако современное общество, в котором принятие властных решений необходимо сопряжено с их публичным обсуждением, не может обходиться вовсе без идеологии в широком смысле слова, то есть без некоторых общеприня-

тых представлений о должном социальном порядке и допустимом в его рамках спектре жизненных стратегий. Классические идеологии, собственно, и оформились в XIX столетии на потребу парламентов и прессы, которые были призваны служить главными толковательными инструментами и нуждались в некоторой устойчивой координатной сетке легко опознаваемых смыслов.

Российский политический класс, оказавшийся после падения коммунистического режима и роспуска СССР вовсе без сколько-нибудь внятно артикулированной номенклатуры понятий, использовал в этом качестве небольшой набор "фреймов", которые по внешности носят имена исторических явлений и событий и служат маркерами-заемщиками политических характеристик. Тем самым, избежав санкций за нарушение конституционного запрета и не создавая полноценной всеобъемлющей идеологии, российская элита получила хотя и несовершенный, но работающий инструмент смысла-различия. Сама по себе такая дробность

и отрывочность не беда. Она вообще характерна для обществ постмодерна, утративших доверие к энциклопедизму “больших идеологий” и в силу многих причин социального, политического и технологического порядка заменивших их в повседневной практике “частными идеологиями”, лишенными тотальных мировоззренческих притязаний и позволяющими различать смыслы применительно к конкретным проблемам (мультикультурализм, глобальное потепление, гендерное равенство и т.п.).

Беда, что в условиях революционной свободы мнений в России начала 1990-х годов элите не удалось решить задачу производства — хотя бы в такой усеченной форме — комплекса смыслов, обеспечивающих консолидацию гражданской нации. В результате она решается в совершенно иных политических условиях 2000–2010-х путем радикального ограничения плюрализма допущенных в публичной сфере суждений и внедрения “сверху” авторитарной исторической квази-идеологии, эклектически сочетающей элементы, появившиеся в пространстве политического дискурса под воздействием текущей политической конъюнктуры.

Ольга Малинова — историк по первоначальному образованию и доктор философских наук — обладает уникальным набором компетенций, которые позволили ей произвести скрупулезный анализ “эволюции подходов властвующей элиты к использованию национального прошлого в меняющемся политическом и идеологическом контексте” как “одном из аспектов политики идентичности в постсоветской России” (С.7).

Результат работы Малиновой — небольшая книжечка очень плотного письма — обнимает четыре главных сюжета. Прежде всего автор кратко, но очень ясно описывает собственно проблему и методологию. В стремлении избежать безразмерных терминов “памяти” и “культуры” автор называет предмет своего исследования “символической политикой”. Объем этого понятия несколько шире, нежели у более употребительного термина — “историческая политика”, которая, по формуле авторитетного финского исследователя Маркко Кангаспуру, включает “все случаи

осознанного и преднамеренного использования истории в качестве инструмента политической аргументации”, а также “попытки обрести власть над историей, добиваясь гегемонии определенной ее интерпретации”. “Символическая политика”, по мнению Малиновой, не обязательно сопряжена с таким навязыванием. Вслед за французским социологом Пьером Бурдьё Малинова под символической политикой понимает “деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве. Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее специфическим аспектом “реальной” политики” (С. 23).

Следующие три раздела книги посвящены детальному описанию того, как российские политические элиты работали с историческим материалом в 1991–2014 годах, какие события прошлого наделялись символическим значением и делались объектами политического использования, как менялась их трактовка. Основной фокус исследования обращен на процесс реинтерпретации двух ключевых событий советского нарратива — Великой Октябрьской социалистической революции и Великой Отечественной войны. В последнем разделе на основании высказываний первых лиц российского государства показана в целом структура репертуара прошлого, используемого в политической риторике.

Начавшееся после распада СССР строительство российской гражданской нации неизбежно должно было привести к переосмыслению краеугольного камня советского исторического нарратива — страны, “рожденной Октябрем”. Первоначально “партия власти” постсоветской России выстраивала “критический нарратив”, в котором новая Россия мыслилась как проект, преодолевающий дефекты и советской, и императорской России, доведшей страну до “октябрьской катастрофы”. При этом довольно много говорилось о необходимости восстановления “связи времен”, разорванной по идеологическим причинам. Однако систематической работы в этом направлении не велось, и по инерции сохранялся не критически унаследованный

взгляд на дореволюционную историю как необходимо ведущую к революции, отчего “связь времен” только слабела и утрачивала событийную и персональную определенность.

Параллельно “патриотическая” оппозиция выстраивала систему обороны центрального советского мифа в новых обстоятельствах, пытаясь представить Октябрь как спасение “от колониального порабощения, от развития по капиталистическому пути”. “Государственники” настаивали, что “революция не разрушила, а напротив, обновила и укрепила российскую государственность, очистив ее от изживших себя феодально-буржуазных форм” (С. 51).

В 1996 году праздник 7 ноября стал называться Днем национального примирения и согласия, но ни примирения, ни согласия достигнуть не удалось. Демократический лагерь оказался расколот из-за чеченской войны, а власть взяла курс на “стабильность”, в рамках которого любая революция трактуется как безусловное зло, причем с 2004 года — все более как зло, не имеющее в стране внутренних оснований и производимое действием внешних супостатов. Нет ясности в отношении Октября и сейчас. С одной стороны, в одобренном президентом Историко-культурном стандарте для средней школы 2013 года в духе любимого тезиса В.В. Путина, что все наше великое прошлое без изъятия является достоянием россиян, которым подобает гордиться, Октябрьская революция слилась с Февральской в единое целое — “Великую российскую революцию”. С другой стороны, в рамках торжеств по случаю столетия начала Первой мировой войны российский президент вновь использовал мифологему об “украденной победе” и “национальном предательстве” тех, “кто призывал к поражению своего отечества, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы” (С. 86). Не получив общеприемлемого толкования в новом политико-историческом лексиконе, Октябрьская революция ушла в тень общественного сознания, уступив место главного государственно значимого события “Великой Победе”. Так, что даже военный парад 7 ноября сделался “торжественным маршем в честь парада 7 ноября 1941 года”.

Политическое использование символа Великой Отечественной войны пережило за постсоветские четверть века решительную метаморфозу. В начале 1990-х президент Б. Н. Ельцин и его соратники в духе “критического нарратива” по отношению к советской эпохе уделяли преимущественное внимание тяготам войны, победа в которой была достигнута благодаря подвигу народа и вопреки промахам руководства Коммунистической партии и советского государства (С. 91). Важнейшими сюжетами публичного военного повествования становились история предвоенных репрессий, катастрофа первых месяцев войны, заградотряды, судьба коллаборационистов, пленных и оstarбайтеров. Закрепить это переформатирование государственной военной памяти в “скорбный регистр” должен был новый праздник День памяти и скорби 22 июня, учрежденный в 1996 году.

Но в 2000-х “символическая политика” резко переменялась, и Великая Отечественная война стала рассматриваться как центральное событие всей тысячелетней истории российского государства. “Великая Победа” сделалась новым “мифом основания” современной российской нации, главным предметом гордости российского гражданина. Тема гордости и Победы пришла на смену ужасам Войны. Причем историческое значение победы постепенно все более связывается не с одолением нацизма в союзе с западными демократиями, а с превращением СССР в сверхдержаву — второй мировой центр силы.

Идеологема “Великой Победы” блестяще сработала внутри страны, но вызывает большие осложнения при столкновении с “образами истории” соседей. Советская оккупация и насильственное установление режимов “народной демократии” в глазах многих центрально- и восточноевропейцев — преступление, едва ли не равное Холокосту, уже четыре десятилетия лежащему в основании общеевропейской картины Второй мировой войны. Довольно заметная тенденция среди новых членов Евросоюза к “героизации деятелей «национального освобождения», запятнавших себя сотрудничеством с нацистами” стала системным вызовом для российской политики памяти. Отказываясь включать в

военный нарратив “трудные моменты” предвоенной, военной и послевоенной политики советского государства, российская власть не может эффективно противостоять оппонентам на международном уровне (С. 122).

Третья часть книги, “Репертуар политически актуального прошлого в риторике президентов РФ (1991–2014)”, является наиболее новаторской и заслуживающей пристального внимания, хотя и выглядит гораздо более сухой, поскольку представляет собой практически табличную сводку результатов контент-анализа и дискурс-анализа президентских посланий и “памятных речей”, приуроченных к разнообразным юбилеям. Предпринимался этот анализ с целью выяснить, “какие аспекты национальной истории привлекаются для обоснования текущего политического курса, и каким образом используется этот символический ресурс” (С. 131). Результат оказался ошеломляющим, прежде всего убожеством этого репертуара. К практическому применению из всей богатейшей истории “тысячелетней России” оказалось пригодно ничтожно малое число событий и персонажей. Ольга Малинова объясняет это тем, что, во-первых, “при подготовке президентских посланий до недавнего времени задача расширения репертуара политически пригодного прошлого, по-видимому, не ставилась” (С. 155). А во-вторых, незначительное расширение репертуара событий и сюжетов если и происходит, то в рамках памятных речей, сюжеты которых определяются не идеологическими соображениями, а влиятельностью лоббистов, желающих с помпой отпраздновать очередной юбилей города или ведомства. В результате “значительная часть календаря юбилейных выступлений президентов, призванных напомнить отдаленное прошлое, формируется *ad hoc*” (С. 167), а в числе памятных дат виднейшее место занимают те, что относятся к “истории органов государственной власти и силовых структур” (С. 168). Все богатство исторического опыта России в речах ее первых лиц ограничивается советским: упоминания о событиях предшествующего тысячелетия составляют лишь семь процентов всех “исторических ссылок” за 1994–2014 годы (С. 136); В.В. Путин в 2000–2007 годах вооб-

ще ни разу не упоминал дореволюционные события (С. 133). Неоднократные призывы Б.Н. Ельцина к “восстановлению исторической и культурной преемственности” остались пустыми благопожеланиями, поскольку не были подкреплены “номинацией конкретных исторических символов, на которые могла бы опираться новая Россия” (С. 144). Только Д.А. Медведев чуть-чуть расширил список упоминаемых дореволюционных персонажей за счет деятелей культуры (С. 134), но позднее хронологический диапазон “исторических ссылок” даже сузился, поскольку совершенно исчезли из упоминания события постсоветской истории.

В завершении книги Малинова перечисляет последние эпизоды отечественной “символической политики” и приходит к выводу, что стремление исключить “трудные вопросы” из общественной дискуссии, фальсификация общественной полемики квазиобщественными и квазиэкспертными институтами вроде Российского исторического и Военно-исторического обществ, принятие “мемориальных законов”, ограничивающих круг допустимых тем и толкований, “свидетельствуют о стремлении части властвующей элиты свернуть начатые дискуссии о “трудных моментах” истории и авторитарно навязать апологетический нарратив национального прошлого. Едва ли нужно говорить, что это крайне тревожная тенденция” (С. 184).

На самом деле, конечно, говорить и писать нужно. Ибо смутная тревога, которая по сему поводу посещает благонамеренных российских граждан, должным образом публично не рационализована. Между тем положение действительно опасное. Прежде всего тем, что репертуар исторических “духовных скреп”, вот уже второе десятилетие фабрикуемый спичрайтерами российских президентов, предназначен для общества прошлого, гражданам которого имеют простую и единообразную идентичность, а в выборе жизненных стратегий целиком полагаются на указующий перст властного авторитета. В российской картине прошлого государство остается единственным действительным творцом и субъектом собственно исторического процесса. Все “актуальное прошлое” должно доказы-

вать российским гражданам — жителям вечно осажденной крепости — непреходящую ценность для них “сильного государства” как основы величия России (причем сильным почитается только государство авторитарное) и “монолитного единства” в сплоченности вокруг благодетельной власти, которое стремятся подорвать внешний враг и внутренние смутьяны, аттестуемые все чаще “пятой колонной” того же внешнего врага.

Все многообразие жизнеустроительного и нравственного опыта прошлого, необходимое для регулярного функционирования современного “открытого общества”, где граждане имеют сложносоставную многоуровневую идентичность и вольны выбирать и пробовать новые жизненные стратегии в самом широком диапазоне, для России не актуализовано.

Чтение книги Малиновой убеждает в необходимости капитальной перемены усвоенной в России исторической “оптики” и весьма значительного расширения нашего исторического общественного “словаря”. Скучный багаж актуальных образцов прошлого порождает манихейское представление о социальном космосе, где даже из Гражданской войны начала XX века исчезают все силы, не вписывающиеся в двоичную красно-белую картину, не соответствующую исторической реальности и тормозящую становление “многоцветного” гражданского общества, без которого не может быть завершён переход к современности. Картина прошлого остается этатистской и милитарной, совершенно не давая образцов и оснований для независимых жизненных стратегий “партикулярного человека” и свободно создаваемых им солидарных ассоциаций. Огромные сферы человеческой деятельности (предпринимательство, правозащита, общественный активизм, благотворительность) лишены в этой картине исторических корней. Вместе с деградацией “легенд” советских праздников оказываются выведены из оборота огромные пласты исторических явлений, оказавших важнейшее влияние на выработку ценностей и идеалов “открытого общества” (история освободительного движения и стремления к свободе в случае 7 ноября, история идеала социальной справедливости — в случае 1 мая).

Социологи склоняются к тому, что современному обществу больше подходит не единый учебник истории, а суперпозиция множества повествований о судьбе самых разных социальных групп. Однако едва ли сегодняшнее положение в ближайшее время будет меняться, поскольку, как констатировала Малинова в другой своей работе¹, нынешняя российская политическая конструкция “не способствовала формированию у политических элит серьезной мотивации на идеологическую работу” и пагубно влияла на качество предлагаемого обществу идейного продукта, ибо “на протяжении последних двадцати лет связь между артикуляцией публичных идей и доступом к власти (и тем более возможностью реализовать предлагаемый курс) неуклонно ослабевала”.

Никита Соколов

¹ Малинова О.Ю. “Духовные скрепы” как государственная идеология // Россия в глобальной политике. 2014. №5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dukhovnye-skrepy-kak-gosudarstvennaya-ideologiya-17107> (доступ 25.05.2016).